В. А. ПОССЕ.

Національная автономія и всемірная федерація.

ОЧЕРКЪ.

1906.

Національная автономія и всемірная федерація.

I.

Коммунальная или общинно-союзная организація обществъ ведетъ къ объединенію человѣчества, а не къ распаденію его на множество небольшихъ, совершенно „независимыхъ“ другъ отъ друга группъ, какъ это нѣкоторое думаютъ. „Зависимость“ общинъ и ихъ союзовъ другъ отъ друга будетъ очень сильной и постоянно возрастающей, но эта зависимость не подчиненности, а взаимопомощи.

Если всмотрѣться и вдуматься въ современный „государственный порядокъ“, то нельзя не придти къ заключенію, что *централизація разъединяетъ людей* и что только свободная федерація снизу кверху можетъ установить между людьми тѣсную связь, дѣйствительное объединеніе. Народы, централизованные въ русскомъ или въ австрійскомъ государствѣ, разъединены національною враждою, которая непремѣнно исчезла бы, какъ только каждой народности или національности была бы представлена возможность составить самостоятельный національный союзъ общинъ, который могъ бы на равныхъ правахъ вступить въ союзъ или федерацію съ другими національными союзами, независимо отъ того входили ли тѣ или другія общины въ составъ Россіи, Германіи, Австріи, Венгріи и т. д.

Только свободная федерація общинъ и ихъ союзовъ можетъ разрѣшить національный вопросъ въ смыслѣ братскаго объединенія различныхъ національностей, изъ которыхъ каждая получитъ возможность свободно развивать положительныя стороны своей національности: свой языкъ, свою литературу, свое искусство.

Побѣда пролетаріата устанавливаетъ равенство, но не однообразіе, она не уничтожаетъ національностей.

У пролетаріевъ нѣтъ отечества, но невѣрно было бы сказать, что у нихъ нѣтъ національности. Мы видимъ, что у пролетаріевъ угнетенныхъ народностей съ развитіемъ классового сознанія идетъ рука объ руку и развитіе самосознанія національнаго, которое, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ буржуазнымъ „національнымъ“ или шовинизмомъ. „Самое понятіе объ идеалѣ человѣка замѣчаетъ Драгомановъ*)—составляется и *продолжаетъ составляться* у людей изъ отвлеченія лучшихъ сторонъ индивидуумовъ, корпорацій (какъ видовъ труда) и націй, и потому прогрессъ самого этого идеала вовсе не требуетъ стиранія всѣхъ разнообразностей человѣка, а, напротивъ того, ихъ постояннаго развитія. Космополитизмъ и гуманизмъ исключаютъ только національныя антипатіи, національную исключительность, призываютъ къ стиранію національныхъ недостатковъ“.

Можно, конечно, думать, что въ соціалистическомъ обществѣ въ концѣ концовъ исчезнетъ различіе, вызываемое національностью, хотя дифференціація личныхъ особенностей будетъ возрастать, но и для приближенія къ этому идеалу необходимо предварительное освобожденіе всѣхъ національностей, признаніе ихъ полной равноправности.

Стремленіе крупныхъ націй „поглотить“ мелкія

---

*) „Историческая Польша и Великорусская Демократія“.

неизбѣжно вызываетъ у послѣднихъ отпоръ и болѣзненно обостренное національное чувство. Для того, чтобы слиться, національностямъ приходится сначала отмежеваться. Замѣчательно, что знаменитый „Интернаціоналъ“, выдвигая на первый планъ международность рабочаго движенія, состоялъ изъ ряда *національныхъ* союзовъ и при этомъ не считался съ государственными границами, признавая за равный съ другими и польскій національный союзъ, хотя Польша была раздѣлена между тремя государствами. Впрочемъ польская національность, въ виду трагически-величественной исторіи ея народа, пользовалась нѣсколько исключительнымъ признаніемъ со стороны даже Маркса, который въ началѣ своей публицистической и общественной дѣятельности къ другимъ славянскимъ національностямъ относился съ недостойнымъ этого великаго мыслителя высокомѣріемъ и презрѣніемъ.

Въ 1848 г. по поводу панславянскаго конгресса въ Прагѣ, на которомъ Бакунинъ выступилъ съ манифестомъ, требующимъ независимости всѣхъ славянскихъ народностей, Марксъ разражается въ своей „Новой Рейнской газетѣ“ буквально слѣдующими тирадами:

„Какъ это было бы хорошо, если бы кроаты, пандуры и казаки образовали передовой отрядъ европейской демократіи, если бы посолъ Сибирской республики передалъ свои грамоты въ Парижѣ! Конечно блестящая переспектива, но чтобы европейская демократія ждала бы ихъ осуществленія,—этого не станетъ требовать и самый горячій панславистъ; кстати сказть какъ разъ тѣ націи, спеціальной независимости которыхъ требуетъ манифестъ—спеціальные враги демократіи. Мы повторяемъ: кромѣ поляковъ, русскихъ и въ крайнемъ случаѣ славянъ Турціи ни одинъ славянскій народъ не имѣетъ будущаго на томъ простомъ основаніи, что у всѣхъ остальныхъ славянъ нѣтъ самыхъ необ-

ходимыхъ историческихъ, географическихъ, политическихъ и промышленныхъ условій для самостоятельности и жизнеспособности.

„Мы знаемъ теперь, гдѣ сосредоточены враги революціи: въ Россіи и въ австрійскихъ славянскихъ земляхъ; и никакія фразы, никакія указанія на неопредѣленное демократическое будущее этихъ странъ не остановитъ насъ отъ того, чтобы обращаться съ нашими врагами, какъ врагами. И если Бакунинъ въ концѣ концовъ восклицаетъ: „По истинѣ ничего не долженъ лишиться славянинъ, выиграть долженъ онъ! По-истинѣ онъ долженъ жить! И мы будемъ жить. Пока у насъ оспаривается малѣйшая часть нашихъ правъ, пока единый членъ нашего общаго тѣла держится отдѣленнымъ и оторваннымъ, до тѣхъ поръ мы будемъ бороться за права, будемъ непримиримо бороться на жизнь и смерть, пока, наконецъ, славянство не будетъ стоять великимъ, свободнымъ и независимымъ“ — если революціонный панславизмъ говоритъ это серьезно, если дѣло *идетъ о фантастическп-славянской національности*, которая совершенно оставляетъ въ сторонѣ революцію, тогда мы знаемъ, что дѣлать. Тогда борьба, „непримиримая борьба на жизнь и смерть“ съ предающимъ революцію славянствомъ: *истребительная борьба* и *терроризмъ безъ всякихъ стѣсненій*—не въ интересахъ Германіи, но въ интересахъ революціи!“

Не знаю, отказался ли Марксъ отъ этихъ словъ впослѣдствіи, но теперь смѣяться надъ жизнеспособностью „австрійскихъ“ и „венгерскихъ“ славянъ не рѣшится, вѣроятно, ни одинъ изъ его учениковъ.

Что касается спеціально до кроатовъ, надъ которыми Марксъ издѣвается, такъ сказать, „въ первую голову“, то не можемъ не привести слѣдующаго поучительнаго факта, сообщаемаго въ статьѣ одного *венгерскаго* соціалиста о всеобщей стачкѣ на венгерскихъ

желѣзныхъ дорогахъ, происходившей въ апрѣлѣ 1904 года.

„Когда поѣздъ, привезшій обратно загребскихъ стачечниковъ изъ Будапешта, подъѣхалъ къ Загребской станціи, кроатскіе и *венгерскіе* желѣзнодорожные служащіе *единодушно* запѣли *кроатскій національный гимнъ*".

Это былъ единодушный протестъ стачечниковъ, какъ господствующей венгерской, такъ и угнетенной кроатской національности противъ *венгерскаго національнаго государства*.

Венгерскіе пролетаріи, протестующіе гимномъ кроатской національности, не признаваемой за равноправную венгерскимъ правительствомъ! Могъ-ли это представить себѣ Марксъ?! Справедливость требуетъ замѣтить, что онъ былъ строгъ и не справедливъ не къ однимъ славянамъ.

Призывая Германію къ революціонной войнѣ съ Даніей изъ-за Шлезвига и Гольштиніи, Марксъ обрушивается вообще на всѣхъ скандинавцевъ (шведовъ, норвежцевъ, датчанъ).

„Право Германіи противъ Даніи—право цивилизаціи противъ варварства, прогресса противъ застоя. Если бы даже существовали договоры съ Даніей, что очень сомнительно, то право это важнѣе всѣхъ договоровъ, такъ какъ это право историческаго развитія.

„Датчане—народъ, стоящій въ самой безграничной коммерческой, промышленной, политической и литературной зависимости отъ Германіи. Извѣстно, что фактическая столица Даніи не Копенгагенъ, а Гамбургъ, что Данія всѣ свои литературныя, точно также какъ матерьяльныя жизненныя средства получаетъ черезъ Германію и что датская литература—за исключеніемъ Хольберга—жалкій пересказъ нѣмецкой. Какъ не безсильна была издавна Германія, все же у нея есть удовлетвореніе, что скандинавскія націи и особенно Данія

попали подъ ея господство, что по отношенію къ нимъ она еще прогрессивна и революціонна. Скандинавизмъ—форма, подъ которой датчане призвали поддержку норвежцевъ и шведовъ противъ Германіи.

„Скандинавизмъ состоитъ въ увлеченіи жестокой, грязной, пиратской, древнесѣверной національностью, этою глубокой скрытностью, которая свои чувства и мысли не можетъ превращать въ слова, но въ поступки, а именно въ грубость противъ женщинъ, постоянное похмѣлье (Betrunkenheit) и кровожадное бѣшенство, смѣняемое слезливой сантиментальностью". „Война противъ Даніи—дѣйствительно революціонная война..."*)

Что бы сказалъ теперь Марксъ, видя, что, благодаря упорной борьбѣ, алкоголизмъ въ Новергіи быстро уменьшается, въ то время, какъ въ Германіи усиливается?! А сколько силы, выдержки и самоотверженія показываетъ въ своей борьбѣ скандинавскій пролетаріатъ! Не пришлось бы германскому пролетаріату кое-чему поучиться у шведскаго, напримѣръ, умѣнью завоевывать свои права всеобщими стачками.

Ошибка Маркса показываетъ, какъ опасно отрицать „жизнеспособность и право на самостоятельное существованіе" какой-бы то ни было національности. Мы не рѣшимся этого сдѣлать даже по отношенію къ бурятамъ. Что касается до саркастическаго замѣчанія Маркса по поводу „Сибирской республики", то, право, она кажется намъ нисколько не менѣе вѣроятной, чѣмъ республика Германская.

Полная равноправность всѣхъ даже столь презираемыхъ Марксомъ австрійско-славянскихъ національностей признана нынѣ огромнымъ большинствомъ сознательнаго пролетаріата.

---

*) Цитировано по Мерингу „Geschichte der deutschen Socialdemocratie". Первое изд. т. I. стр. 374.

Такъ напр., національная равноправность и свободная федерація положена въ основу программы національностей, принятой соціалдемократами Австріи на ихъ общемъ Брюннскомъ партейтагѣ 1899 г. Эта программа имѣетъ большое значеніе для разрѣшенія національнаго вопроса не въ одной только Австріи. Мы приведемъ ее цѣликомъ, въ буквальномъ переводѣ, такъ какъ врядъ-ли она извѣстна многимъ русскимъ читателямъ.

„Такъ какъ національная сумятица въ Австріи—гласитъ брюннская программа—парализуетъ всякій политическій прогрессъ и всякое культурное развитіе народовъ, такъ какъ эта сумятица объясняется прежде всего политической отсталостью нашихъ общественныхъ учрежденій и такъ какъ въ частности продолженіе національнаго спора является однимъ изъ тѣхъ средствъ, которыми господствующіе классы обезпечиваютъ себѣ свое господство и препятствуютъ всякому сильному проявленію дѣйствительныхъ народныхъ интересовъ,

партейтагъ заявляетъ:

Окончательное урегулированіе вопроса о національностяхъ и языкахъ въ Австріи въ смыслѣ одинаковаго права, и равноправности, и разума является прежде всего культурнымъ требованіемъ, а потому лежитъ въ жизненныхъ интересахъ пролетаріата; оно возможно только въ истинно-демократическомъ общежитіи, которое основано на всеобщемъ, равномъ и прямомъ избирательномъ правѣ, въ которомъ устранены всѣ феодальныя привиллегіи въ государствѣ и въ странахъ, ибо лишь въ подобномъ общежитіи рабочіе классы, составляющіе въ дѣйствительности элементы, поддерживающіе государство и общество, могутъ сказать свое слово;

охрана и развитіе національныхъ особенностей всѣхъ народовъ въ Австріи возможны лишь на основѣ оди-

наковаго права и при избѣжаніи всякаго угнетенія, поэтому слѣдуетъ бороться прежде всего противъ всякаго бюрократически государственнаго централизма, точно также, какъ противъ феодальныхъ привиллегій отдѣльныхъ странъ.

При этихъ предварительныхъ условіяхъ, и только при нихъ, будетъ возможно установить въ Австріи вмѣсто національнаго раздора національный порядокъ и притомъ съ признаніемъ слѣдующихъ руководящихъ принциповъ:

1. Австрію слѣдуетъ превратить въ демократическое союзное государство національностей.

2. На мѣсто историческихъ коронныхъ земель образуются національно отграниченныя, самоуправляющіяся единицы, законодательство и управленіе которыхъ сосредоточивается въ національныхъ палатахъ, избранныхъ на основаніи всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права.

3. Всѣ самоуправляющіяся области одной и той же націи образуютъ вмѣстѣ національно единый союзъ, который завѣдуетъ своими національными дѣлами совершенно автономно.

4. Право національнаго меньшинства охраняется спеціальнымъ закономъ имперскаго парламента.

5. Мы не признаемъ никакой національной привиллегіи и поэтому отвергаемъ требованіе государственнаго языка; насколько необходимъ посреднической языкъ, устанавливается имперскимъ парламентомъ.

Партейтагъ, какъ органъ международной соціалдемократіи въ Австріи, высказываетъ убѣжденіе, что на основѣ этихъ руководящихъ положеній возможно соглашеніе народовъ. Онъ торжественно заявляетъ, что признаетъ право каждой національности на національное существованіе и національное развитіе;

но что народы могутъ достигнуть всякаго прогресса

своей культуры лишь въ тѣсной солидарности, а не въ мелочномъ спорѣ другъ съ другомъ, что въ особенности рабочій классъ всѣхъ языковъ, какъ въ интересѣ каждой отдѣльной націи, такъ и въ интересѣ всеобщемъ, твердо держится международнаго боевого товарищества и братства и долженъ вести свою политическую и профессіонально-союзную борьбу объединенными сомкнутыми рядами".

Принципы „брюннской программы", сводящіеся къ признанію автономіи національностей и замѣнѣ государственнаго централизма свободной федераціей народовъ при полной ихъ равноправности лежатъ, дѣйствительно, „въ жизненныхъ интересахъ пролетаріата" и примѣнимы не только къ народамъ, населяющимъ Австрію, но и ко всему человѣческому обществу. Признаніе ихъ уже принесло большую пользу въ дѣлѣ объединенія разноплеменнаго пролетаріата, заключеннаго въ границы Австріи, гдѣ соціалдемократическая партія организована въ согласіи съ принципами брюннской программы на національно-федеративныхъ началахъ. Россійская соціалдемократія держится въ этомъ вопросѣ иныхъ принциповъ, чѣмъ соціалдемократія австрійская. „Не дѣло пролетаріата" — заявляетъ ея центральный органъ—„проповѣдывать федерализмъ и національную автономію".

II.

Разрѣшеніе національнаго вопроса въ смыслѣ дѣйствительнаго признанія національной автономіи и федеративнаго союза народностей требуетъ уничтоженія государственныхъ границъ, которыя отнюдь не совпадаютъ съ границами этнографическими или національными. Искусственно раздѣленъ не только польскій народъ, но и малорусскій, армянскій, литовскій и т. д.

Фактически „государственныя“ границы уничтожить лишь пролетарская революція, но представителямъ международнаго соціализма необходимо уже и нынѣ признать національные союзы независимо отъ существующихъ „государствъ“, тѣмъ болѣе, что пролетаріатъ, вопреки приказамъ русскихъ соціалдемократовъ объединяется въ „національныя“, а не въ „государственныя“ соціалистическія партіи.

Въ воображеніи россійскихъ соціалдемократовъ имѣется „всероссійская“ соціалдемократическая партія, но въ дѣйствительности мы имѣемъ партіи польскую, литовскую, латышскую, украинскую, армянскую и т. д. Одной изъ главныхъ задачъ соціалистическихъ партій является, конечно, пропаганда и агитація, которую успѣшно можно вести только „на родномъ языкѣ“, а „родной языкъ“ является основнымъ выраженіемъ національности. Необходима, слѣдовательно, „національная“ соціалистическая литература, „національный“ соціалистическій періодическій органъ, „національные“ соціалистическіе агитаторы и руководители, необходима, однимъ словомъ, „національная“ организація или партія, необходима для успѣха пролетарскаго дѣла, какъ для него же необходимо, чтобы національныя организаціи или партіи объединились на федеративныхъ началахъ въ одинъ великій пролетарскій „интернаціоналъ“.

Къ сожалѣнію, соціалистическіе политики, составляющіе „международное соціалистическое бюро“, которое распоряжалось на послѣднемъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Амстердамѣ, до того проникнуты государственнымъ духомъ, что не могутъ примириться съ существованіемъ національныхъ соціалистическихъ партій и признаютъ законными лишь партіи государственныя.

Правда, „бюро“ признало законными партіи поль-

скую и чешскую и дало имъ право голоса на конгрессѣ, хотя фактически не существуетъ государствъ, ни польскаго, ни чешскаго, но здѣсь, вѣроятно, было принято во вниманіе существованіе богемской короны св. Венцеслава, вѣнчаться которой хотятъ заставить австрійскаго императора представители чешской буржуазіи.

Нѣтъ, кромѣ шутокъ, отношеніе „международнаго бюро“ и руководимаго имъ амстердамскаго соціалистическаго конгресса къ національнымъ соціалистическимъ партіямъ даже съ централистической точки зрѣнія крайне непослѣдовательно и попросту нелѣпо.

На февральской конференціи „международнаго соціалистическаго бюро“, занимавшейся подготовленіемъ амстердамскаго конгресса, были отклонены, главнымъ образомъ, по настоянію Плеханова просьбы литовской и армянской соціалдемократическихъ партій признать Литву и Арменію особыми націями и дать представителямъ ихъ пролетаріата равныя права съ представителями пролетаріата другихъ націй въ смыслѣ самостоятельнаго участія въ бюро и на конгрессѣ.

Въ то же время бюро признало основательнымъ требованіе люксембургской соціалдемократіи на признаніе Великаго Герцогства Люксембурга особой „націей“ съ двумя голосами въ бюро и на конгрессѣ.

Люксембургъ представляетъ такое же небольшое нѣмецкое герцогство, какъ какой-нибудь Рейсъ или Липпе, и только вслѣдствіе дипломатическихъ и династическихъ случайностей не включенъ формально въ Германскую имперію, хотя и объединенъ съ ней таможенной линіей.

Населеніе Люксембурга (около 800.000 чел.), говоритъ по нѣмецки и въ своемъ „гимнѣ“ поетъ, что „люксембуржцы—нѣмцы и нѣмцами хотятъ остаться“. Тѣмъ не менѣе Люксембургъ признанъ „націей“, Литвѣ же

съ ея 2½ милліонами литовцевъ, говорящихъ на совершенно своеобразномъ и очень богатомъ языкѣ, въ этомъ отказано.

Если бы въ княжествѣ рулетки, знаменитомъ Монако, нашлось нѣсколько соціалистовъ, имъ, навѣрно, дали бы право представлять на конгрессѣ монакскую націю, такъ какъ Монако представляетъ независимое государство, почти умѣщающееся на рулетномъ столѣ; признать же за націю литовцевъ, латышей, украинцевъ для соціалистическихъ бюрократовъ представляется невозможнымъ, ибо ни одинъ изъ этихъ народовъ не представляетъ независимаго государства.

Рѣшеніе „бюро“ было, впрочемъ, не окончательнымъ, послѣднее слово въ этомъ отношеніи долженъ былъ сказать конгрессъ. Многіе ожидали, что конгрессъ серьезно займется вопросомъ о правѣ національнаго представительства независимо отъ государственной самостоятельности, но конгрессъ интересовался лишь словесною дуэлью между Жоресомъ и Бебелемъ и безъ преній передалъ вопросъ о правѣ представительства національныхъ партій на безаппелляціонное рѣшеніе „бюро“.

Не знаемъ, осталось ли „бюро“ при своемъ прежнемъ рѣшеніи по отношенію къ литовцамъ и армянамъ, но оно принуждено было сообщить конгрессу, что представитель укаинской соціалистической партіи протестуетъ противъ отказа признать Украину за особую націю. Этотъ протестъ среди театральной шумихи конгресса прошелъ севершенно незамѣченнымъ. Мы знаемъ также, что представителю латышской соціалдемократической партіи было отказано въ правѣ національнаго голоса и предложено присоединиться къ искристамъ или соціалистамъ-революціонерамъ. Онъ безъ протеста присоединился въ качествѣ „госпитанта“ къ искристамъ; къ нимъ же съ протестомъ присоеди-

нились представители еврейскаго Бунда, которому бюро отказало въ правѣ на особый голосъ. Характерно, что бундистъ, пытавшійся пояснить на конгрессѣ, почему Бундъ требуетъ права на особое представительство и особый голосъ независимо отъ „россійской соціалдемократической партіи“, нашелъ необходимымъ заявить, что Бундъ стоитъ не на національной, а на государственной точкѣ зрѣнія, т. е. Бундъ требовалъ особаго отдѣльнаго голоса не какъ представитель еврейской націи, а какъ представитель сильной организаціи въ предѣлахъ русскаго государства. Было бы послѣдовательнѣе, если бы Бундъ высказался и противъ національной, и противъ государственоой точки зрѣнія, если бы онъ требовалъ себѣ права на самостоятельное представительство въ качествѣ рабочей организаціи, объединяющей нѣсколько тысячъ пролетаріевъ, совершенно независимо отъ того, что они русскіе подданные.

Вообще, если откинуть принципъ представительства національнаго, то слѣдовало бы принять принципъ представительства организаціоннаго, т. е. допускать представителей всѣхъ рабочихъ партій и организацій, независимо отъ націи или государства, и при голосованіяхъ принимать во вниманіе число членовъ, входящихъ въ каждую партію или организацію. Тогда бы конгрессъ гораздо больше представлялъ международную волю пролетаріата, чѣмъ теперь, когда англійскіе трэдъ-юніоны съ ихъ 2 милліонами пролетаріевъ не пользовались даже однимъ голосомъ, а лишь частью его, а Катаяма съ его очень проблематичной японской соціалистической партіей, въ которой, по его собственнымъ словамъ, полиція насчитываетъ не болѣе 3000 членовъ, пользовался двумя голосами. Все это конгрессу необходимо было серьезно обдумать, если бы у него дѣйствительно было желаніе серьезно обсуждать серьезные вопросы.

Каутскій ошибочно предполагалъ *), что амстердамскому конгрессу придется посвятить много времени для разрѣшенія трудностей, вытекающихъ изъ понятія „національность“, и пытался самъ выяснить этотъ вопросъ, но это ему не удалось, хотя, по обыкновенію, онъ и высказалъ нѣсколько отдѣльныхъ вѣрныхъ мыслей.

Онъ указываетъ, что тамъ, гдѣ нѣсколько націй живутъ вмѣстѣ въ одномъ государствѣ, но говорятъ на разныхъ языкахъ, соціалистическая пропаганда неизбѣжно вызываетъ необходимость особыхъ національныхъ организацій.

Онъ признаетъ, что „для *цѣлей пропаганды* организація пролетаріата должна быть *національной* и потому *раздѣленной* **) по національностямъ, но съ другой страны „для цѣлей *борьбы*“ онъ считаетъ необходимымъ единую организацію, обхватывающую всѣ націи.

„Нелегко—говоритъ Каутскій—найти форму организаціи, которая удовлетворяетъ этимъ обоимъ другъ другу видимо противорѣчащимъ условіямъ и тотчасъ прибавляетъ: „Раньше всего эта проблема выдвинулась въ Австріи и тамъ она разрѣшена наиболѣе совершеннымъ образомъ“. Въ Австріи, какъ мы знаемъ, проблема дѣленія и объединенія разрѣшена очень просто, а именно федераціей національныхъ организацій. Другого рѣшенія этой проблемы, намъ кажется, нельзя придумать, но оно чрезвычайно просто и примѣнимо къ пролетаріату всѣхъ національностей во всемъ мірѣ. Но то, что превосходно для Австріи, то по мнѣнію Каутскаго не подходитъ къ Россіи.

„Это государство—говоритъ онъ—заключаетъ въ себѣ на ряду съ большой русской національностью (въ

---

*) „Zum Internationalen Kongress“ Die Neue Zeit 6 August 1904.

**) Подчеркнуто всюду въ подлинникѣ.

европейской Россіи 76 милліоновъ, изъ нихъ опять таки 17 милліоновъ малоруссовъ) еще многочисленные обломки народовъ всевозможнаго рода, какъ то: 7 мил. поляковъ, 2½ мил. литовцевъ, 1 мил. латышей, 2 мил. финляндцевъ, столько же грузинъ, 1 мил. армянъ, 5 м. евреевъ и т. д.). Изъ всѣхъ нихъ рекрутируется русскій пролетаріатъ, и съ развитіемъ пролетарскаго движенія образуется для каждой изъ этихъ націй особая соціалистическая литература и организація. И число ихъ будетъ все расти. Но, если повсюду трудно различныя національныя организаціи одного государства соединять въ общую организацію, то вдойнѣ трудно это въ Россіи, гдѣ каждая организація должна быть тайной, и гдѣ внутреннее общеніе при рѣдкомъ населеніи, огромныхъ растояніяхъ и недостаткѣ въ средствахъ передвиженія столь незначительно. Здѣсь каждая организація въ каждой мѣстности гораздо болѣе предоставлена сама себѣ, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, здѣсь связь различныхъ организацій, если онѣ принадлежатъ къ той же національности, слаба, ихъ объединеніе и руководство центральнымъ органомъ менѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, можетъ быть формально и болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь покоится на „веществахъ невѣсомыхъ“ (Imponderabilien).

„Къ этимъ „невѣсомымъ“ принадлежатъ и постановленія международныхъ конгрессовъ. Отъ того, каковы будутъ эти постановленія при повѣркѣ мандатовъ, зависитъ усиленіе національнаго раздробленія или національнаго объединенія русскаго (!) соціализма. Не требуется пояснять, какъ важно было бы послѣднее какъ разъ въ данный моментъ, какъ вредно было бы, если бы международный конгрессъ къ своему девизу: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“ прибавилъ: „пролетаріи Россіи, разъединяйтесь по націямъ!“

Ясностью и послѣдовательностью эти разсужденія

не отличаются. Все, что говоритъ Каутскій объ особыхъ условіяхъ Россіи, какъ разъ доказываетъ необходимость и неизбѣжность національныхъ соціалистическихъ организацій, образованіе которыхъ совсѣмъ не разъединяетъ пролетаріатъ разныхъ національностей, а подготовляетъ его объединеніе на федеративныхъ началахъ для совмѣстной сознательной борьбы, предварительнымъ условіемъ которой является пропаганда и агитація на родномъ языкѣ. Но у Каутскаго въ дѣло вмѣшиваются „невѣсомыя вещества“, и на сцену появляется *„русскій* пролетаріатъ, рекрутируемый изъ поляковъ, финляндцевъ, латышей и т. д. и какой-то „русскій“ соціализмъ, который „объединится“, если конгрессъ постановитъ не признавать литовскихъ, армянскихъ, финляндскихъ и т. д. мандатовъ. Въ дѣйствительности подобныя „невѣсомыя“ скорѣе могутъ помѣшать объединенію пролетаріата Россіи, а не содѣйствовать ему; смѣшно въ самомъ дѣлѣ думать, чтобы „русскій соціализмъ“ могъ бы поглотить польскія, финляндскую, латышскую, литовскую, малорусскую и т. д. соціалистическія партіи. О поглощеніи не можетъ быть рѣчи, возможно лишь федеративное объединеніе, а для него необходимо признаніе ряда равноправныхъ организацій.

Отказъ признать національныя организаціи въ предѣлахъ Россіи кажется Каутскому важнымъ не только „для развитія русской соціалдемократіи“, но и „для самого конгресса“. Здѣсь на сцену выступаютъ „національныя государства“, встревоженныя многочисленностью негосударственныхъ націй.

„Великая нація—пишетъ Каутскій—какъ большая, такъ и маленькая имѣетъ одинъ голосъ. Составляемое этимъ преобладаніе маленькихъ націй еще значительно увеличилось бы, если бы каждой націи Россіи и вообще восточной Европы, какъ бы ни была незначительна ея организація, дать голосъ. Съ другой стороны отдѣль-

ное государство получаетъ черезъ это множественный вотумъ. Австрія располагаетъ уже теперь четырьмя голосами на международномъ конгрессѣ — нѣмецкая Австрія, Венгрія, Чехія, Польша, въ делегаціи которой преобладаетъ, конечно, элементъ галиційскій. Если въ русской делегаціи на ряду съ великоруссами признать еще представителей малоруссовъ, литовцевъ, латышей, финновъ, армянъ, грузинъ, евреевъ, какъ особыя націи съ особымъ избирательнымъ правомъ, то Россія получитъ восемь голосовъ (независимо отъ Польши, которую мы причисляемъ къ Австріи)—почти столько же, сколько всѣ государства Западной Европы вмѣстѣ.

Каутскій, какъ видите, никакъ не можетъ отрѣшиться отъ „государственной“ точки зрѣнія, не можетъ отказаться отъ признанія какихъ-то особыхъ правъ за „государствами“ по сравненію съ націями; даже Венгрію онъ причисляетъ къ Австріи. Ему представляется чѣмъ-то не суразнымъ, что финляндцы, латыши, литовцы и т. д. получатъ на конгрессѣ право голоса, такъ какъ это дастъ „Россіи“ цѣлыхъ 8 голосовъ, но онъ не предлагаетъ отнять право голоса у Люксембурга, Болгаріи, Сербіи, Румыніи и другихъ „государствъ“, гдѣ борющагося пролетаріата сравнительно очень мало. Тотъ же государственный предразсудокъ тяготѣетъ и надъ „международнымъ соціалистическимъ бюро“.

А между тѣмъ представителямъ международнаго соціализма необходимо ясно и опредѣленно разъ навсегда признать право всѣхъ націй и протестовать противъ насилія „государствъ“, въ которыя эти націи втиснуты противъ своей воли. Можно бы большимъ націямъ дать больше голосовъ, чѣмъ маленькимъ, но соціалистамъ, провозглашающимъ право всѣхъ націй на самостоятельное существованіе, нельзя требовать превращенія финновъ, литовцевъ, латышей, поляковъ

и т. д. въ русскихъ только потому, что ихъ давитъ русское государство.

„Слѣдовало бы думать—заявила на мюнхенскомъ партейтагѣ Роза Люксембургъ—„что, если стоишь подъ господствомъ того же капитализма, подъ давленіемъ того же классоваго государства, подъ палкой той же полиціи и классовой юстиціи, то имѣешь и тѣ же интересы и слѣдовало бы образовать общую партію для охраны этихъ интересовъ. Эта истина должна быть хорошо извѣстна даже соціалдемократическимъ грудным младенцамъ“.

Очень рѣшительно и очень просто! Удивительно только, что сама Роза Люксембургъ на международныхъ конгрессахъ и въ международномъ бюро представляетъ особую польско-литовскую соціалдемократическую партію, совершенно независимую отъ партіи россійской.

Зачѣмъ ея ученики и сторонники, составляющіе соціалдемократію Царства Польскаго и Литвы, примыкаютъ на конгрессахъ къ польской, а не къ русской делегаціи?

Дѣло не такъ просто, такъ какъ кромѣ общаго гнета есть отдѣльный языкъ.

Гнетъ является общимъ въ сущности для пролетаріевъ всѣхъ странъ, и даже гнетъ государственной власти носитъ международный характеръ.

Пролетаріатъ долженъ стремиться къ тому, чтобы государственныя границы не препятствовали федераціи національныхъ соціалистическихъ партій, которыя, какъ намъ кажется, могли бы организоваться тоже до извѣстной степени независимо отъ государственныхъ границъ. Примѣромъ такой внѣгосударственной партіи, стремящейся охватить пролетаріатъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Австріи, является „Украинская соціалистическая партія“.

Какъ эта партія, такъ и русинскіе соціалдемократы признаютъ единымъ цѣлымъ весь малорусскій или русинскій народъ „отъ Карпатъ до Кавказа“, „отъ Дона до Сана“, всюду, гдѣ только раздается „родная рѣчь“, независимо отъ того страдаетъ ли этотъ народъ подъ игомъ россійскаго или австрійскаго государства.

„Мы, русинскіе соціалъ-демократы—говоритъ ихъ декларація, прочитанная на общеавстрійскомъ партейтагѣ въ Брюннѣ—стоимъ на почвѣ международной солидарности пролетаріата всѣхъ національностей въ Австріи и знаемъ, что только въ братскомъ союзѣ и нашъ народъ, который одной изъ своихъ частей принадлежитъ къ этому государству, можетъ завоевать національную независимость. Однако мы не желаемъ упускать изъ виду фактъ, что въ границахъ этого государства живетъ только часть нашего народа и что за кордономъ громадное большинство украинскаго народа подъ ярмомъ абсолютизма принуждено терпѣть полное лишеніе національныхъ правъ, долженствующее вести къ его національной смерти. Мы убѣждены, что международное могущество пролетаріата разовьется только тогда, когда каждый народъ будетъ вершителемъ своей исторіи. Мы знаемъ, что соціальное и политическое освобожденіе обусловливаетъ и національную эмансипацію. Поэтому русинскіе соціалъ-демократы стремятся къ національной свободѣ всего своего народа, чтобы соединенный и освобожденный малорусскій народъ сталъ въ качествѣ равноправнаго члена въ ряду народовъ“.

„Международное соціалистическое бюро“, какъ мы указывали выше, держится иного мнѣнія, и не соглашается признать Украину за особую націю, но оно не можетъ уничтожить малорусскій языкъ, какъ не могли его уничтожить ни россійскіе, ни австрійскіе бюрократы.

III.

Среди русскихъ общественныхъ дѣятелей было не мало группъ и лицъ, придававшихъ огромное значеніе федеративному переустройству Россіи съ предоставленіемъ національностямъ, включеннымъ въ нее, права на полное отдѣленіе. Первымъ смѣло высказавшимся въ этомъ направленіи былъ М. А. Бакунинъ, и Драгомановъ отчасти правъ, говоря, что, когда въ Россіи появится партія приверженцевъ „федеральныхъ идей“, „тогда имя М. А. Бакунина получитъ новыя права на благодарность, какъ имя одного изъ предшественниковъ партіи, которая не только одна можетъ быть названа дѣйствительно интернаціональною (безъ сокрытія подъ фирмою космополитизма жала германизаціи, мадъяризаціи, полонизаціи, обрусѣнія и т. п., какъ у государственниковъ), но и въ частности для Россіи представляетъ единственное условіе сколько нибудь раціональнаго направленія политической и соціальной жизни въ этомъ чудовищно большомъ государствѣ“.

Уже въ своей извѣстной брошюрѣ „Народное Дѣло“, изданной въ 1862 г., Бакунинъ отъ имени „русской революціонной партіи“ заявляетъ:

„Хотимъ самоуправленія народно-общиннаго, волостнаго, уѣзднаго, областнаго и, наконецъ, государственнаго, съ царемъ или безъ царя, все равно и какъ захочетъ народъ. Но чтобы не было въ Россіи чиновничества и чтобы централизація бюрократическая замѣнилась вольною областною федераціей.

„Хотимъ, чтобъ Польшѣ, Литвѣ, Украинѣ, Финляндіи и Латышамъ прибалтійскимъ, а также и Кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распоряжаться собою и управлять по своему произ-

волу безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямого или косвеннаго.

„Хотимъ братскаго, а если будетъ возможно, федеративнаго союза съ Польшей, Литвой, Украиной, прибалтійскими жителями и съ народами Закавказскаго края...“

Далѣе идетъ обѣщаніе „искать тѣснаго союза“ съ Италіей, съ мадъярами, румынами и греками.

Къ сожалѣнію, смѣлая и вѣрная мысль о „вольной областной федераціи всѣхъ освобожденныхъ народовъ“ испорчена примѣсью панславизма, который совершенно не вяжется съ братскимъ союзомъ всѣхъ народовъ.

Выразивъ желаніе установить братскій или федеральный союзъ съ „народами Закавказскаго края“, которыхъ къ славянамъ никакъ отнести нельзя, Бакунинъ неожиданно устремляется „къ осуществленію завѣтной славянской мечты: къ созданію великой и вольной федераціи Всеславянской“, въ которой должна проявиться „единая и нераздѣльная общеславянская сила“.

Національная автономія и федерація имѣютъ цѣлью совсѣмъ не обособленіе національностей, а, напротивъ, уничтоженіе національныхъ предразсудковъ и установленіе тѣсной взаимной связи, которая возможна лишь между равноправными; эта равноправность, такъ сказать, идейно или морально нарушается Бакунинымъ, когда онъ говоритъ объ „единой и нераздѣльной общеславянской силѣ“ и о какомъ то особомъ „дѣлѣ славянскомъ“. Пролетарій стремится установить такой строй, при которомъ торжествовала бы совсѣмъ не „общеславянская“ или „общегерманская“, „общеанглосаксонская“ и т. д. сила, а сила общечеловѣческая, при которой всѣ и каждый служатъ прежде всего дѣлу человѣчества. Осуществленію этого идеала препятствуетъ, между прочимъ, національная вражда, первымъ усло-

віемъ для ея устраненія является освобожденіе „націй негосударственныхъ“ изъ подъ гнета „націй государственныхъ“, вотъ почему пролетаріатъ долженъ стоять за національную автономію; но автономныя націи не могутъ жить обособленно; въ ихъ жизненныхъ интересахъ вступить между собою въ тѣсный союзъ, объединиться на федеративныхъ началахъ, и здѣсь, конечно, желателенъ не „всеславянскій“, а „всечеловѣческій союзъ“; во всякомъ случаѣ союзы будутъ заключаться прежде всего въ зависимости отъ территоріальной, хозяйственной и культурной *близости*, а не отъ племеннаго родства, разъ „націи“, на которыя разбилось это „племя“, *не имѣютъ общаго языка*, не живутъ въ сосѣдствѣ и стоятъ на разныхъ культурныхъ ступеняхъ.

Поляки, напр., несомнѣнно раньше вступятъ въ федеративный союзъ съ нѣмцами и венграми, чѣмъ съ болгарами и сербами; латыши, которыхъ тоже можно причислить къ славянскому племени, скорѣе могутъ заключить союзъ съ эстами, принадлежащими къ финско-угорской расѣ, чѣмъ съ кроатами и т. д. Драгомановъ, доказывая, что „по существу своему идея космополитизма и человѣчества вовсе не противна идеи національности, а представляетъ только дальнѣйшее ея развитіе“, замѣчаетъ: „союзъ всего человѣчества есть только общій союзъ частныхъ союзовъ, которые всего легче могутъ заключаться въ средѣ уже по природѣ объединенныхъ между собою языкомъ, сходствомъ психическимъ и сосѣдствомъ индивидуумовъ, общинъ и племенъ извѣстныхъ національностей, тѣмъ болѣе, что расположеніе этихъ національностей во времена безсознательной колонизаціи почти всегда совпадало съ границами естественныхъ бассейновъ, географическихъ и хозяйственныхъ“.

Это совершенно вѣрно, но отсюда слѣдуетъ также

и то, что національная связь исчезаетъ, когда теряется единство языка, психическое сходство и сосѣдство.

Несомнѣнно, что при свободномъ построеніи пролетарскаго общества образованіе союзовъ общинъ будетъ опредѣляться не только національною связью, выражающеюся, главнымъ образомъ, въ общности языка, но и общностью территоріи. Тамъ, гдѣ національности перемѣшаны, какъ, напр., въ Прибалтійскомъ или Западномъ краѣ, не только областные союзы общинъ, но и самыя общины, будутъ, вѣроятно, объединять лицъ различныхъ національностей, что, конечно, не помѣшаетъ образованію на ряду съ общинами и территоріальными союзами общинъ, союзовъ національныхъ для совмѣстнаго служенія задачамъ, тѣсно связаннымъ съ единствомъ національнаго языка.

Въ виду всего этого „великая и вольная федерація всеславянская“ предѣтавляется намъ мало вѣроятной, но то, что Бакунинъ говоритъ о ея характерѣ, вполнѣ примѣнимо къ великой и вольной федераціи всечеловѣческой, федераціи и болѣе вѣроятной, и болѣе желательной, чѣмъ федерація всеславянская.

„Каждый народъ, великъ или малъ, будетъ вмѣстѣ вольнымъ и братски съ другими народами связаннымъ членомъ, чтобъ каждый стоялъ за всѣхъ и всѣ за каждаго и чтобъ не было въ братскомъ союзѣ особенныхъ государственныхъ силъ, чтобъ не было ничьей гегемоніи“...

Свои федеративныя идеи Бакунинъ неоднократно развивалъ и защищалъ послѣ 1862 года, постепенно очищая ихъ отъ злополучнаго „панславизма“. Многое, что онъ высказывалъ объ организаціи будущаго общества въ 60-хъ и 70-хъ годахъ и теперь еще поражаетъ своею *свѣжестью*.

Такъ, въ рѣчи на конгрессѣ „Лиги мира и свободы“ 1868 г. Бакунинъ выставляетъ принципъ, по которому

„прошедшее не должно связывать настоящаго, а настоящее не можетъ связывать будущаго“ и по которому „неограниченное право принадлежитъ живущимъ поколѣніямъ“.

Во имя свободы каждаго населенія большаго или малаго, слабаго или сильнаго, а также каждой отдѣльной личности, Бакунинъ отрицаетъ „историческое право“ и „политическую неотразимость государства“ и требуетъ „признанія для личностей, также какъ и для ассоціацій, общинъ, провинцій и націй права свободнаго удаленія изъ союзовъ“...

На основаніи этихъ принциповъ онъ просто и ясно разрѣшаетъ пресловутый вопросъ о границахъ Польши, вопросъ, не мало испортившій крови нѣкоторымъ польскимъ и русскимъ революціонерамъ, „дѣлившимъ“ между собою Украйну, Бѣлоруссію и Литву.

Въ программѣ, составленной имъ для „Gmina“, органа образовавшагося въ Цюрихѣ общества „Towarzystwo soczalistyczne polskie“, онъ по словамъ Драгоманова, въ § 5 заявляетъ слѣдующее:

„Противники всякаго панства (государства) мы, разумѣется, отвергаемъ такъ называемыя историческія права и границы. Для насъ Польша начинается и существуетъ дѣйствительно только тамъ, гдѣ чернорабочіе люди сознаютъ себя и хотятъ быть поляками, и кончается тамъ, гдѣ, отвергая особый польскій союзъ, они хотятъ быть вольными членами другихъ народныхъ союзовъ“.

Это единственно правильное разрѣшеніе вопроса о „національныхъ границахъ“, не только польскихъ, но и нѣмецкихъ, англійскихъ и т. д.

Подобно Бакунину и Герценъ былъ горячимъ сторонникомъ національной автономіи и федераціи; у него можно найти превосходныя страницы въ духѣ бакунинскихъ „федеративныхъ идей“.

Подобно Бакунину Герценъ въ вопросѣ о національныхъ границахъ отвергаетъ „историческія права“.

„Но скажите—пишетъ онъ въ 1859 г. въ своемъ второмъ письмѣ къ польскому патріоту—что же мы за наслѣдники вѣнскаго конгресса, что будемъ расписывать какая полоса земли куда принадлежитъ, *не спросясь людей на ней живущихъ*. Да вѣдь такъ парижскіе дипломаты совѣщались о томъ, чего слѣдуетъ желать и чего не слѣдуетъ желать румынамъ въ Молдо-Валахіи“.

Отвѣчая на вопросъ, кому (Россіи или Польшѣ) должна „принадлежать“ Малороссія, Герценъ говоритъ:

„У насъ людей изгнанія, печальныхъ свидѣтелей столькихъ неудачныхъ сочетаній и распаденій, не можетъ, не должно быть и рѣчи о томъ, кому должна *принадлежать* та или другая часть населенной земли. Въ Малороссіи живутъ люди, люди подавленные рабствомъ, но не настолько сломанные правительствомъ и помѣщикомъ, что потеряли всякое чувство народности, совсѣмъ напротивъ, родовое сознаніе у нихъ очень развито... что же это будетъ за шагъ къ ихъ освобожденію, когда, снимая московскія цѣпи, имъ скажутъ, что они должны *принадлежать* Польшѣ.

„Развяжемъ же имъ руки, развяжемъ же имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна, и тогда пусть они скажутъ свое слово, перешагнувъ черезъ кнутъ къ намъ, черезъ правежъ къ вамъ, или если умны, протянутъ намъ обоимъ руки на братскій союзъ и независимость отъ обоихъ.

„Вотъ почему я такъ высоко цѣню федерализмъ. Федеральныя части связаны общимъ дѣломъ, и никто никому не *принадлежитъ*, ни Женева Берну, ни Бернъ Женевѣ. Въ 1851 г. католическая реакція въ Фрибургскомъ кантонѣ вывела изъ терпѣнія протестантскій Муртенъ. Жители Муртена рѣшили отложиться отъ

кантона, дѣло не состоялось, но никому и въ голову не пришло говорить о томъ, принадлежитъ-ли Муртенъ кантону или нѣтъ. Федеральныя единства могутъ даже существовать при такомъ антагонизмѣ, какой народился между Сѣверными Штатами и Южными въ Америкѣ. Централизація, жертвующая самобытностью частей, стремящаяся къ полицейскому однообразному фронту, убивающая все индивидуальное, характерное, мѣстное, всегда будетъ качаться между . . . . . и Бонапартомъ".

Бакунинъ и Герценъ возставали противъ государственной централизаціи и проповѣдовали федерацію, исходя, главнымъ образомъ, изъ представленія объ идеальномъ, по ихъ мнѣнію, устройствѣ общества; нѣкоторые другіе сторонники федерализма приходили къ тѣмъ же выводамъ, исходя изъ прошлаго, опираясь на факты всемірной и въ частности русской исторіи. Таковъ былъ одинъ изъ самыхъ вдумчивыхъ русскихъ ученыхъ проф. Казанскаго университета сибирякъ Щаповъ.

Въ своей вступительной лекціи, прочитанной въ 1876 г., Щаповъ прямо заявляетъ себя сторонникомъ начала „областности", противополагаемаго имъ началу „централизаціи".

„Скажу напередъ—заявилъ онъ—не съ мыслью о государственности, не съ идеей централизаціи, а съ идеей народности и областности я вступаю на каѳедру русской исторіи.

Въ настоящее время, кажется, утвердилось убѣжденіе, что главный фактъ въ исторіи есть самъ народъ, духъ народный, творящій исторію, что сущность и содержаніе исторіи есть жизнь народная. Это убѣжденіе уже не ново; его начали проводить, осуществлять и въ наукѣ русской исторіи. Но вотъ другое начало, которое еще не сознано ясно въ нашей наукѣ: *начало*

областности—позвольте мнѣ его такъ выразить. У насъ доселѣ господствовала въ изложеніи русской исторіи идея централизаціи, развилось даже какое то чрезмѣрное стремленіе къ обобщенію, къ систематизаціи разнообразной областной исторіи: всѣ разнообразныя особенности, направленія и факты провинціальной исторической жизни подводились подъ идею государственнаго развитія...

„...Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ одной европейской исторіи такъ несвойственно, невозможно подобное изложеніе, какъ въ исторіи обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства русскаго... Областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи; онъ выдержалъ энергическую, вѣковую борьбу съ соединительной, централизующей силой государства; онъ многозначительно выразился въ *смутное время*, во время этой великой борьбы областныхъ общинъ, проявлялся въ земскихъ соборахъ въ XVII вѣкѣ, сказался въ разнообразныхъ областныхъ бунтахъ, демократическихъ и инородческихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хлопотъ правительству въ теченіе всего XVIII и въ началѣ XIX столѣтія, во время этой длинной процедуры учрежденія губерній и провинцій, возбуждая въ либеральныхъ умахъ въ знаменитое время тайныхъ обществъ разные планы и проекты относительно конституціоннаго устройства областей и т. д.— и мы, изучая русскую областную исторію, оставляемъ почти безъ вниманія этотъ областной элементъ, сколько загадочный, столько же, быть можетъ, зиждительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи“.

Но особенно много для историческаго обоснованія и пропаганды федеральнаго принцина сдѣлалъ проф. Кіевскаго университета малороссъ М. Драгомановъ.

Обладая огромными историческими знаніями, Драго-

мановъ умѣлъ показать связь „федеральныхъ идей“ съ освободительнымъ движеніемъ въ разныхъ странахъ, но свою федеральную программу онъ строилъ, подобно Бакунину, независимо ни отъ какихъ такъ называемыхъ „историческихъ“ преданій и „государственныхъ претензій“.

Централизмъ, даже самый революціонный, былъ ему ненавистенъ, такъ какъ онъ хорошо зналъ, что централисты-якобинцы французской революціи „въ политико-административномъ отношеніи явились только завершителями дѣла Ришелье и Людовика XIV и въ свою очередь отцами Наполеоновщины“.

Говоря о крупныхъ русскихъ дѣятеляхъ и мыслителяхъ видящихъ въ вольной федераціи единственно возможную форму будущаго политическаго строя, нельзя, конечно, не упомянуть П. А. Кропоткина. Въ своей извѣстной книгѣ „Хлѣбъ и Воля“ онъ справедливо указываетъ, что „каждому экономическому фазису соотвѣтствуетъ въ исторіи свой политическій фазисъ“.

„Нельзя—говоритъ онъ—разрушить теперешнюю форму собственности, не вводя вмѣстѣ съ тѣмъ и новаго строя политической жизни“, и этотъ новый строй свободнаго общества, взявшаго въ свои руки общее наслѣдіе,—землю, фабрики и т. д.—можетъ быть, по мнѣнію Кропоткина лишь такой организаціей, которая основана „на свободномъ союзѣ и вольной федераціи“. Увѣренность, что въ основѣ будущаго общества будетъ лежать децентрализація и федерація, Кропоткинъ могъ почерпнуть, между прочимъ, изъ замѣченнаго имъ факта, что хозяйственная жизнь уже въ современномъ обществѣ начинаетъ проявлять тенденцію къ децентрализаціи.

Въ своемъ изслѣдованіи „Fields, Factories and

Workshops *) Кропоткинъ рядомъ цыфровыхъ данныхъ доказываетъ, что промышленность всѣхъ родовъ децентрализуется, распространяясь по всему земному шару.

„Каждый народъ поочередно дѣлается промышленной націей, и приближается время, когда всѣ народности Европы, Соединенные Штаты и даже самые отсталые народы Азіи и Америки будутъ вырабатывать все то, что имъ необходимо“.

„Наступающей эпохѣ европейской исторіи предстоитъ разрѣшить задачу, какимъ образомъ выращивать хлѣбъ и производить мануфактурные товары для того же народа, который занимается обработкой земли и мануфактурнымъ производствомъ. Каждый районъ долженъ сдѣлаться собственнымъ производителемъ и потребителемъ какъ мануфактурныхъ товаровъ, такъ и продуктовъ земледѣлія“.

Понятно, какую твердую научную опору стремленіе къ политической децентрализаціи находитъ въ этой теоріи децентрализаціи хозяйственной.

Само собой разумѣется, что указываемая Кропоткинымъ территоріальная децентрализація промышленности отнюдь не противорѣчитъ несомнѣнной капиталистической концентраціи.

Большинство русскихъ революціонныхъ группъ 60-хъ и 70-хъ годовъ находилось подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ бакунинскихъ идей, такъ что въ программахъ и въ програмныхъ заявленіяхъ этого времени часто встрѣчается требованіе федеративнаго переустройства Россіи.

---

*) Переведена на русскій яз. А. Коншиномъ подъ названіемъ „Земледѣліе, промышленность и кустарные промыслы“ и издана „Посредникомъ“.

Программа газеты „Народное Дѣло“, выходившей заграницей съ 1868 по 1870 г., требуетъ „полной воли для всѣхъ народовъ, нынѣ угнетенныхъ имперіей, съ правомъ полнѣйшаго самораспоряженія, на основаніи ихъ собственныхъ инстинктовъ, нуждъ и воли; дабы— говоритъ она—федерируясь снизу вверхъ, тѣ изъ нихъ, которые *захотятъ* быть членами русскаго народа, могли бы создать сообща дѣйствительно вольное и счастливое общество въ дружеской и федеративной связи съ *такими же* обществами въ Европѣ и въ цѣломъ мірѣ“.

Лавровскій „Впередъ“ въ своей первой программной статьѣ, помѣщенной въ т. I 1873 г., заявляетъ, что съ развитіемъ прогресса „начало государственное и централизаціонное все болѣе уступаетъ началу свободной федераціи все болѣе мелкихъ общественныхъ единицъ“.

„Именно въ замѣнѣ искусственной и случайной группировки личностей существенными и сознанными противоположеніями ихъ, именно въ увеличеніи автономнаго начала въ мелкихъ группахъ коммунъ и свободныхъ союзовъ на счетъ централизаціоннаго начала современныхъ легальныхъ государствъ заключается, по нашему мнѣнію, политическій прогрессъ человѣчества“.

„Всѣ нынѣшнія централизаціонныя политическія программы намъ прямо враждебны“. Говоря о Польшѣ редакція „Впередъ“ называетъ своимъ братомъ и союзникомъ всякаго поляка, который „поставилъ интересы хлоповъ выше интересовъ шляхты, кто бьется за идеалъ европейской федераціи свободныхъ общинъ“.

„Въ будущей федераціонной Европѣ границы между федеративыми единицами будутъ имѣть крайне мало значенія. Если бы нашимъ единомышленникамъ пришлось говорить во всероссійскомъ земствѣ о вопросѣ

между Польшей и Россіей, они предложили бы, конечно, чтобы каждая община рѣшила самостоятельно, независимо отъ всей предыдущей исторіи, къ какой національности, къ какому государственному (!) или соціальному центру она потянетъ".

Тотъ же федеральный принципъ выставляется въ передовой статьѣ № 48 газеты „Впередъ", написанной Лавровымъ, гдѣ указывается, что общежитіе, осуществляющее принципъ коллективизма предполагаетъ, между прочимъ, „свободную федерацію, какъ типъ всякаго общежитія". Эта статья появилась въ 1876 г. Два года спустя группа „Общины", во главѣ которой стояли П. Аксельродъ, Н. Жуковскій, Д. Клеменсъ и З. Ралли, заявляетъ, что задача соціальнореволюціонной партіи, состоящая „въ обезпеченіи трудящемуся населенію безбѣднаго существованія, свободнаго развитія своихъ способностей и удовлетворенія потребностей", можетъ быть осуществлена лишь въ свободномъ союзѣ автономныхъ общинъ, при коллективномъ и равноправномъ пользованіи орудіями труда и средствами къ всестороннему развитію личности при порядкѣ общежитія, гарантирующемъ полную свободу лица въ группѣ и группы (общины) въ союзѣ равноправныхъ группъ (общинъ)".

„Мы смотримъ—говоритъ программное заявленіе „Общины"—на вольную федерацію общинъ, какъ на первый шагъ, съ котораго должна начаться новая фаза общественнаго развитія".

Программа знаменитаго революціоннаго общества „Земля и Воля" въ своихъ основныхъ чертахъ совпадаетъ съ программой „Общины", но „землевольцы" считали своими учителями не группу русскихъ эмигрантовъ, а Разина, Пугачева (!) и ихъ сподвижниковъ въ „программу" которыхъ, по увѣреніямъ землевольцевъ, входило, между прочимъ, „учрежденіе казачь-

ихъ круговъ", т. е. „вольныхъ автономныхъ общинъ съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли".

Программу „народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ" (Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ) землевольцы считали программой громаднаго большинства русскаго народа и въ ихъ время, т. е. въ 70-ые годы XIX вѣка.

„Земля и Воля" въ 1879 г., какъ извѣстно, распалась на„ Черный Передѣлъ" и „Народную Волю". „Черный Передѣлъ", въ которомъ ближайшее участіе принимали Аксельродъ и Плехановъ, остался вѣренъ идеямъ „Земли и Воли" и усиленно подчеркивалъ свою враждебность „государственности и централизаціи".

Въ „Письмѣ къ бывшимъ товарищамъ", помѣщенномъ въ № 1 „Чернаго Передѣла", дается превосходная характеристика якобинцевъ, вчитаться и вдуматься въ которую мы усиленно совѣтуемъ искристамъ прежде, чѣмъ повѣрить современному Плеханову, что каждый соціалдемократъ долженъ быть террористомъ à la Робеспьеръ или согласиться съ его вѣрнымъ ученикомъ Ленинымъ, что „якобинецъ, неразрывно связанный съ организаціей пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы, это и есть революціонный соціалдемократъ".

„Сторонники по преимуществу правительственной иниціативы—пишетъ „чернопередѣлецъ" своимъ бывшимъ товарищамъ—якобинцы представляютъ себѣ, во имя громкихъ и высокихъ принциповъ, думать и дѣлать все, что имъ угодно. Абстрактно понимая свободу, они во имя ея уничтожаютъ монополіи, привилегіи, цехи и другія корпораціи, и въ то же время во имя той же свободы издаютъ декреты, лишающіе рабочихъ права ассоціацій, сходокъ, стачекъ, т. е. естественнаго права самозащиты. Якобинство (говоритъ Пру-

донъ) было главною причиною паденія свободы во Франціи, и оно же съ 1804 по 1815 г. грозило уничтоженіемъ ея во всей Европѣ. Наполеонъ I, образованный въ школѣ Робеспьера, который былъ для него всегда великимъ геніемъ, захвативъ власть, сдѣлался тотчасъ же идоломъ якобинцевъ. Оттого они и прозвали его Робеспьеромъ на конѣ. Его 18 брюмера можно считать какъ бы отомщеніемъ за 9 термидора. Онъ наполнилъ якобинцами свой главный штабъ, свои совѣты, свою администрацію и всѣхъ возвелъ въ дворянство. За то и секта выказала ему свою признательность; она изобрѣла формулу посвященія: „императоръ значитъ—революція, императоръ значитъ—демократія“.

Таковъ якобинизмъ, какимъ рисуетъ его Прудонъ, этотъ честный и талантливый защитникъ народныхъ правъ и интересовъ. Онъ совершенно правъ, утверждая, что политическая свобода якобинцевъ привела во Франціи къ политическому рабству наполеоновскаго абсолютизма. Но было бы несправедливо думать, что якобинцы стремились къ этому сознательно. Для лучшихъ представителей его политическая свобода была не пустое слово, не пустой звукъ, брошенный на вѣтеръ, а искреннее, глубокое убѣжденіе, выработанное у нихъ подъ вліяніемъ древнихъ классиковъ и современной имъ философія. Это была своего рода религія, „благая вѣсть“, которой они мечтали обновить одряхлѣвшее общество и водворить царство Свободы, Равенства и Братства. Мечтатили сложили голову за эту свободу, но сами вырыли ей яму, сами разбили тотъ кумиръ, которому поклонялись! Виновата та система, тѣ способы и пріемы борьбы, которыми они хотѣли реализировать свой идеалъ, свою „единую нераздѣльную республику“.

„Въ послѣднихъ трехъ словахъ скрываются причины и послѣдствія ихъ пораженія и гибели. Что такое

„единая нераздѣльная республика“? Это—абсолютная монархія Людовика XIV, говорившаго, что „государство—это я“, это—имперія Наполеона, утверждавшаго, что „имперія это революція, демократія“.

„Въ основѣ ихъ одинъ принципъ—государственость и централизація: авторитетъ и иниціатива власти, съ одной стороны, безгласность и подчиненіе массы—съ другой.

„Разъ революціонная партія выставила на своемъ знамени этотъ принципъ, она—партія реакціи и застоя. Она теряетъ почву подъ ногами, лишается довѣрія и поддержки массы и, слѣдовательно, сама себя обрекаетъ на пораженіе и смерть“.

Слова, по-истинѣ золотыя, и для искровской партіи, пророческія!

Программа „Народной Воли“, сильно отклонившейся отъ „Земли и Воли“, во многомъ расходилась съ программой „Чернаго Передѣла“, но федеративный принципъ, предполагающій общинно-областное устройство будущаго общества, остался дорогъ большинству народовольцевъ.

Программа рабочихъ членовъ партіи Народной Воли, указываетъ, что „государственное устройство должно быть основано на союзномъ договорѣ всѣхъ общинъ“ и „каждая община въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ вполнѣ независима и свободна“.

„Свобода общины - говоритъ программа далѣе,—т. е. право ея вмѣстѣ со всѣми общинами и союзами вмѣшиваться въ государственныя дѣла и направлять ихъ по общему желанію всѣхъ общинъ, не дастъ возникнуть государственному гнету, не допустить того, чтобы безнравственные люди забрали въ свои руки страну, разоряли ее въ качествѣ разныхъ правителей и чиновниковъ и подавляли свободу народа, какъ это дѣлается теперь“.

„Русское государство, по характеру и условіямъ жизни населенія, дѣлится на области, самостоятельныя во внутреннихъ своихъ дѣлахъ, но связанныя въ одинъ общерусскій союзъ".

„Народы насильственно присоединенные къ русскому царству, вольны отдѣлиться или остаться въ общерусскомъ союзѣ".

Марксъ, которому была прислана эта программа очень заинтересовался ею и испещрилъ ее различными отмѣтками. Слова о представленіи народомъ право отдѣлиться онъ не только подчеркнулъ, но и отмѣтилъ на поляхъ крестомъ.

Въ противоположность къ „программѣ рабочихъ членовъ партіи" въ программѣ Исполнительнаго комитета федеративный принципъ, если и высказанъ, то сравнительно слабо и неопредѣленно.

Несомнѣнно, что между русскими революціонерами конца 70-хъ годовъ было не мало, если не сознательныхъ, то безсознательный якобинцевъ-централистовъ, вліяніе которыхъ ослабляло федеративную тенденцію партіи „Народной Воли".

„А сколько среди насъ—писалъ Аксельродъ въ статьѣ „Переходное время партіи"—такихъ, которые склоняются къ якобинству, даже и не подозрѣвая этого! Правда у насъ очень мало сознательныхъ и послѣдовательныхъ якобинцевъ, но вѣдь безсознательность и есть злѣйшій врагъ человѣческаго счастья и развитія".

Для выясненія отношенія „Народной Воли" къ федеративному принципу очень важно письмо одного изъ видныхъ дѣятелей партіи къ Драгоманову, относящееся къ 1880 г. *).

*) Драгомановъ приводитъ отрывки изъ этого письма въ своей уже не разъ цитированной нами книгѣ „Историческая Польза и Великорусская демократія".

„Насъ, убѣжденныхъ автономистовъ—писалъ этотъ дѣятель—винятъ въ централизмѣ... за Учредительное собраніе.

Во-первыхъ, не хотятъ понять, что Учредительное собраніе въ нашихъ глазахъ только ликвидаціонная коммиссія, а, во-вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыя нѣтъ реальной поддержки, а есть иступленные враги? гдѣ наши феніи, Парнель? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, — а ставишь ближайшей задачей требованія политическія; видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части, и требуешь Учредительнаго собранія".

Возникшій одновременно съ „Народной Волей" и просуществовавшій такъ недолго „Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ" въ первыхъ двухъ пунктахъ своей программы говоритъ о „ниспроверженіи существующаго политическаго и экономическаго строя государства" и объ „учрежденіи свободной народной федераціи общинъ".

Сѣверный союзъ состоялъ, какъ извѣстно, исключительно изъ рабочихъ и объявилъ себя примыкающимъ къ соціалдемократической партіи Запада.

Такимъ образомъ первые сознательные русскіе рабочіе соціалдемократы ясно и опредѣленно высказались за свободную федерацію свободныхъ общинъ.

Но первые русскіе соціалдемократы-интеллигенты въ своей программѣ, выработанной въ Женевѣ, требовали демократической конституціи и законодательнаго собранія, но ни однимъ словомъ не упоминали о замѣнѣ централизованнаго государства федераціей общинъ или областей. Мы говоримъ о группѣ „Освобожденія труда", состоявшей изъ нѣсколькихъ эмигран-

товъ, не задолго до того руководившихъ „Чернымъ Передѣломъ“.

Соціалисты - революціонеры относятся несравненно сочувственнѣе къ національной автономіи и федеративному устройству общества, чѣмъ соціалдемократы; въ „Револ. Россіи“ было нѣсколько статей, горячо отстаивающихъ эти начала, но въ общемъ и у партіи соціалистовъ-революціонеровъ въ отношеніи къ вопросу о вольной федераціи вольныхъ союзовъ общинъ проявляются неопредѣленность и колебанія.

Такъ въ „Манифестѣ партіи соц.-рев.“, выпущенномъ въ 1900 г., среди выставляемыхъ партіей требованій мы не находимъ замѣны централистическаго государства федераціей.

Въ проектѣ программы соц.-рев., опубликованномъ въ № 46 „Рев. Рос.“ мы, правда, встрѣчаемъ федеративное начало, но формулировано оно, недостаточно опредѣлено. Въ „политической и правовой области“ проектъ требуетъ „установленія демократической республики, съ широкой автономіей областей и общинъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ; возможно болѣе широкаго примѣненія федеративнаго начала къ отношеніямъ между отдѣльными національностями“ и, наконецъ, „признанія за ними безусловнаго права на самоопредѣленіе“.

Выраженія „широкая автономія“, „возможно болѣе широкое примѣненіе федеративнаго начала“, „безусловное право“ являются, конечно, многообѣщающими, но было бы проще и яснѣе, если бы партія просто заявила, что она стремится къ установленію свободной федераціи общинъ и областей, свободной въ томъ смыслѣ, что каждая община и область могутъ отдѣлиться даже въ томъ случаѣ, если онѣ русскія, а не инородческія.

Пролетарская партія должна ясно и опредѣленно

высказаться не только за свободу національности, но и за свободу каждой общины и каждаго союза общинъ или области. Какъ необходимо вполнѣ опредѣленное отношеніе къ этому вопросу, показываетъ слѣдующая любопытная дискуссія на „небываломъ съѣздѣ“ искристовъ. Ленинъ былъ противъ слова „областное“ въ программномъ пунктѣ, гласящемъ: „широкое мѣстное и областное самоуправленіе“.

„Это слово очень неясно—говорилъ Ленинъ—и можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, что соціалдемократія требуетъ раздѣленія всего государства на многія области“.

Либеръ, представитель Бунда, отстаивалъ слово „областное“, такъ какъ слова мѣстное самоуправленіе означаетъ самоуправленіе деревень и городовъ, областное же союзъ деревень и городовъ.

Онъ, такимъ образомъ,высказался за самоуправленіе общинъ и за самоуправленіе союзовъ городскихъ и сельскихъ общинъ.

Но тутъ, конечно, вмѣшался „урѣзыватель истины“ Мартовъ и со свойственнымъ ему апломбомъ заявилъ, что аргументація Либера „не имѣетъ ничего общаго съ соціалдемократической аргументаціей“. „За самовольные союзы общинъ мы стоять не можемъ“, восклицаетъ онъ.

У этого каррикатурнаго якобинца, видимо, уже просыпается желаніе подавлять самовольные (какое характерное выраженіе!) союзы общинъ, т. е. союзы, организовавшіеся по своей волѣ, безъ разрѣшенія центральныхъ властей. Но громадное пространство Россіи и опытъ нашего централизованнаго управленія даетъ „поводъ“ строгому къ „самовольнымъ союзамъ“ Мартову „считать необходимымъ и цѣлесообразнымъ существованіе областнаго самоуправленія для такихъ крупныхъ единицъ, какъ Финляндія, Польша, Литва и Кавказъ“. Въ виду этого Мартовъ предлагаетъ внести въ про-

грамму „областное самоуправленіе для тѣхъ окраинъ, которыя по своимъ бытовымъ условіямъ и составу населенія отличаются отъ собственно-русскихъ мѣстностей“.

Для „собственно-русскихъ мѣстностей громадное пространство Россіи и опытъ нашего централизованнаго управленія“ не дали, увы, „повода“ Мартову признать цѣлесообразность областного самоуправленія!

Характерно, что представители кавказскихъ комитетовъ очень обрадовались милостивому отношенію Мартова къ областному самоуправленію „крупныхъ“ и не „собственно-русскихъ“ мѣстностей.

„Костровъ поддерживаетъ предложеніе тов. Мартова—повѣтствуютъ протоколы съѣзда—и считаетъ, что включеніе его въ программу партіи будетъ имѣть широкое агитаціонное значеніе и привлечетъ въ партію новыя силы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ томъ числѣ и у насъ на Кавказѣ, идея областного самоуправленія очень популярна.

Карскій (представитель тифлисскаго комитета) находитъ, что областное самоуправленіе необходимо именно потому, что нѣкоторыя мѣстности очень сильно отличаются по своимъ бытовымъ условіямъ и могутъ развиваться лишь при предоставленіи имъ автономіи.

Русовъ (предст. Бакинскаго комитета): „Я присоединяюсь къ предложенію тов. Мартова о введеніи требованія областного самоуправленія и необходимости особаго указанія на наши окраины“.

Горячая защита идеи „областнаго самоуправленія“ со стороны кавказскихъ комитетовъ въ высшей степени поучительна: централизмъ до такой степени отвратителенъ трудовымъ массамъ нашихъ окраинъ, что мѣстнымъ искристамъ приходится дѣлаться автономистами, разъ они не хотятъ быть окончательно отрѣзанными отъ мѣстнаго пролетаріата.

Сторонниковъ единой и нераздѣльной россійской республики врядъ-ли вообще можно найти среди не „собственно-русскаго“ пролетаріата.

Финляндскому пролетаріату, какъ извѣстно, и въ голову не приходитъ считать свою страну Россіей, и онъ, вѣроятно, очень удивился бы, если бы узналъ, что „россійскіе соціалдемократы“ обсуждаютъ на своихъ съѣздахъ, недоступныхъ его представителямъ, слѣдуетъ-ли дать Финляндіи областное самоуправленіе или нѣтъ?

Пролетарская Финляндія никогда не согласится быть поглащенной единствомъ Россіи, но она, навѣрное охотно вступитъ въ федеративный союзъ, какъ съ русскими, такъ и шведскими областями.

Пролетарская Польша? не она ли стоитъ за россійскій централизмъ? Кто рѣшится *искренно* и серьезно утверждать, что польскій рабочій не желаетъ возстановленія Польши?

Мнѣ здѣсь невольно вспоминается одно мѣсто изъ статьи г. Ст. „Современная весталка“, гдѣ авторъ полемизируетъ съ Южаковымъ, заявившимъ о долгѣ „помнить, что часть польской націи желаетъ устроиться съ нами и отъ насъ зависитъ въ значительной степени будущность этого желанія“.

Послѣ словъ Южакова „часть польской націи“ г. Ст. дѣлаетъ въ скобкахъ замѣчаніе „буржуазная часть, г. Южаковъ! какъ это хорошо извѣстно всякому, хотя немного знакомому съ польскими дѣлами“:

Г. Ст. совершенно правъ! Всякому, хотя немного знакомому съ польскими дѣлами, извѣстно, что *только* буржуазная часть польской націи „желаетъ устроиться съ нами“ и почему она желаетъ, недурно указано Розой Люксембургъ въ ея брошюрѣ „Промышленное развитіе Польши“. Роза Люксембургъ привела поучительныя данныя, что польской буржуазіи выгодны

русскіе рынки, не отдѣленные отъ нея таможенной заставой, что ей даже выгодна русская внѣшняя и отчасти внутренняя политика, но она не привела никакихъ данныхъ, что это выгодно польскому пролетаріату, она не доказала, что борьба польскаго пролетаріата за національное освобожденіе противъ русской государственной власти, которая по мнѣнію Розы Люксембургъ, неизмѣнно покровительствуетъ польской буржуазіи, что эта борьба противорѣчитъ борьбѣ классовой.

Что касается спеціально *Литвы*, то тамъ, хотя и противъ воли Плеханова и Люксембургъ, имѣется своя Литовская Соціалдемократическая Партія, которая въ основу своей политической программы ставитъ требоніе „демократической литовской республики, соединенной федеративно съ союзными народами, находящимися на той же ступени общественнаго и политическаго развитія“.

Латыши не требуютъ для себя самостоятельной республики, но ихъ соціалдемократическая партія является сторонницей федеративнаго принципа.

Объ *украинцахъ* нечего и говорить. Всѣ ихъ революціонныя и соціалистическія партіи всегда стояли и стоятъ за автономію Украйны.

Остается еще поставить вопросъ объ отношеніи къ національной автономіи и федераціи еврейскаго пролетаріата.

Мы говорили уже, что Бундъ въ лицѣ своего заграничнаго представителя заявилъ на Амстердамскомъ конгрессѣ, что онъ стоитъ на государственной, а не на національной точкѣ зрѣнія, что онъ не требуетъ признанія евреевъ особой націей. Пусть такъ! Но неужели представители Бунда станутъ отрицать, что ростъ классового сознанія еврейскаго пролетаріата идетъ рука объ руку съ ростомъ національнаго сознанія въ

самомъ благородномъ и лучшемъ значеніи этого понятія? Еврейскій пролетаріатъ не хочетъ быть болѣе паріей, „жидомъ“, но онъ хочетъ остаться евреемъ и требуетъ къ себѣ, какъ еврею, такого же уваженія, какого требуетъ или долженъ требовать къ себѣ русскій пролетарій. Національное достоинство поднимается у него вмѣстѣ съ достоинствомъ личнымъ. Этотъ культурный подъемъ національнаго достоинства скорѣе, чѣмъ что-нибудь другое, сблизитъ евреевъ съ другими націями и уничтожитъ антисемитизмъ. Но, если еврейскій пролетаріатъ и не хочетъ національной автономіи, то во всякомъ случаѣ онъ не сторонникъ государственнаго централизма, это видно хотя бы изъ того, что онъ организуется въ отдѣльную партію, которая очень ревниво отстаиваетъ свою автономность.

Стремленіе негосударственныхъ націй освободиться отъ гнета современныхъ „національныхъ“ государствъ должно облегчить созданіе снизу вверхъ свободной федераціи свободныхъ областей, образованныхъ изъ самоуправляющихся общинъ, но основнымъ двигателемъ въ этомъ направленіи является классовая борьба пролетаріата. Цѣль ея—демократизмъ и соціализмъ, а ихъ непремѣннымъ условіемъ является коммунальное или общинно-федеральное устройство общества. Политическій *идеалъ*, къ которому, если не стремится, то будетъ въ концѣ концовъ стремиться сознательный пролетаріатъ, это не „демократическая республика“, а федерація областныхъ и національныхъ союзовъ самоуправляющихся общинъ.